Критерий самостоятельности, противоречиво пробивающийся сквозь систему классических норм, сказался и в критических суждениях Тредиаковского о современной русской поэзии, в частности о Сумарокове. Он резко напал на Сумарокова за заимствования, истинные и мнимые, из иноземных писателей. В полемическом задоре он утверждает несамостоятельность Сумарокова и там, где ее вовсе нет. Но здесь примечателен принцип более, чем точность отдельных утверждений. О «Тресотиниусе» он пишет: «Авторова комедия почитай вся взята из сочинений комических барона Голберга, а особливо персона капитана самохвала... Хорев — трагедия... вся на плане французских трагедий, да и не только по плану она взята из французских трагедий, но и в рассуждении изображений. Гамлет, как очевидные сказывают свидетели, переведен был прозою с английския Шекспировы, а с прозы уже сделал ее почтенный автор наш стихами. Эпистола о стихотворстве русском вся Боало-Депрова». Любопытно, что в своем ответе — «Мысли в сновидении в французских трагедиях» — на статью Тредиаковского Сумароков только частично защищается от обвинения в заимствованиях и заявляет свое право брать свое добро там, где он находит его. Сумароков пишет: «Жестоко озлобясь и браня меня, говорит он, что Тресотиниус мой из Гольберга. Каким же образом под именем Тресотиниуса находит он себя, ежели сия комедия взята из Гольберга? Или он думает, что у них такой же русский незнающий педант был, какой под именем Тресотиниуса у меня представлен? А капитан Брамарбас по характеру своему взят из Терентиева Евнуха, который комик не только греческих комиков был подражателем, но почти переводчиком... Хорев, говорит он, взят из Корнелия, Расина и Вольтера, а паче из Расиновой Федры. Ето не правда; а что есть в ней подражании, а стихов 5—6 есть и переводных, что я и укрывать не имел намерения, для того что ни мало не стыдно. Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лучшие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида в Ифигению...[3] стихов, в Федру...[3] стихов, чего ему никто не поставит в слабость, да и ставить невозможно» и т. д.

Тредиаковский, стараясь уколоть Сумарокова, упрекает его в невнимании к древнерусской речи. Он же сам готов отдать любого француза, даже самого авторитетного и прославленного, хоть бы и самого учителя классицизма Буало, за древнюю русско-славянскую традицию, прежде всего необходимую русскому поэту. Уличая Сумарокова в недостаточном знании форм церковнославянского и русского языка, Тредиаковский пишет: «Не лучше ль посему автору приняться за наши прежде книги, дабы научиться правильному сочинению? Расин научит токмо вздыхать по-пу-

[3] Цифры не проставлены Сумароковым.